

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/32/15

А.Ю. Нестеров

ПРОЕКТИВНЫЙ СЕМИОЗИС В ГЕРМЕНЕВТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ)¹

Обсуждается вопрос о понимании в рамках рецептивного и проективного семиозиса. Проективный семиозис рассматривается на примере технического сознания.

Ключевые слова: понимание, проективный семиозис, техническое сознание.

Вопрос о понимании – одна из старейших тем философии. Начиная с «Иона» [1] и вплоть до современных дискуссий о построении интерфейсов «человек – машина» каждый исследователь вынужден тем или иным способом определять процедуру понимания, включаться в дискуссию, ведущуюся более 2500 лет. Анализ процессов понимания в технике является задачей, позволяющей существенно прояснить представления как о самой процедуре понимания, так и о технике, сложившиеся в тех или иных отраслях знания. В статье рассматриваются ряды традиционных определений в герменевтике, ряды сложившихся в XX в. определений понятия техники, «понимание» анализируется с точки зрения технического овладения действительностью.

Проблема понимания в европейской философии представлена несколькими традициями, известными как техническая герменевтика, философская герменевтика, герменевтическая философия [2]. В рамках технической герменевтики понятие понимания отвечает на вопрос, что нужно сделать для того, чтобы понять, или «каков алгоритм понимания-процесса, позволяющего получать (истинный) понимание-результат?». В рамках философской герменевтики понятие понимания отвечает на вопрос, каковы онтологические предпосылки, при соблюдении которых возможна реализация данного алгоритма, или «в какой картине мира возможен данный алгоритм?». В рамках герменевтической философии понятие понимания отвечает на вопрос о бытии, т.е. «понимание» является термином, проясняющим абстракцию «всего» или «сущего». Проблема понимания раскрывается, как правило, через антитезы понимание/познание, понимание/коммуникация, понимание/интерпретация, где понятие понимания формулируется в терминах эпистемологии, теории коммуникации или в терминах каких-либо интерпретационных моделей. Наиболее известные дефиниции понимания следующие: (1) понимание есть переход от знака к его значению (Бл. Августин), (2) понимание есть возникновение мысли при восприятии речи (Хладениус), (3) реконструкция реципиентом речевого сообщения (Фр. Шляйермахер), (4) обнаружение Я в Ты или распознавание внутреннего по знакам, даваемым человеку чув-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года).

ствами извне (В. Дильтей), (5) применение языка как растворение горизонтов (Г.-Г. Гадамер)¹.

В рамках общей семиотики понимание – это процедура декодирования знака. Знак – это четырёхкомпонентная сущность, включающая в себя знак в его материальной данности, способ указания как место этого знака в системе знаков или как его смысл, объект указания как значение знака и условие возможности знака как навык субъекта, позволяющий осуществить указание. Понять некоторый знак – значит найти определяющее его правило; поскольку семиозис подразумевает три типа правил (семантическое, синтаксическое, прагматическое), постольку понимание может определяться как фиксация объекта, места в системе или навыка интерпретации.

Традиционная техническая герменевтика и наследующая ей семиотика в целом носят рецептивный характер. Одной из фундаментальных предпосылок этих дисциплин является представление о том, что человек, оперирующий знаками, – это воспринимающий человек. Соответственно, исходная проблемная ситуация, вынуждающая каждого к пониманию, заключается в несовпадении имеющегося в распоряжении субъекта набора правил для понимания видимых знаков: субъект знает, что имеет дело со знаком, но не знает правил его интерпретации. Вплоть до первой половины XX в. это представление о воспринимающем и только воспринимающем человеке определяло подходы к технике понимания, выражаясь в задающей холистское видение мира модели герменевтического круга, в концепции сильной интерпретации, где глубина понимания есть полнота овладения общезначимыми правилами.

В рамках ориентированной на рецепцию традиции возникает проблема разграничения процедур познания и понимания в виде вопроса о том, что является знаком, а что нет: можно ли, например, понимать «природу» или предметы созерцания? Если в XVIII в. любого рода сущности рассматривались в качестве знаков, одни были произвольными, зависимыми от человека, а другие – непроизвольными, созданными богом, то уже в XIX в. Ф. Шлейермахер ограничивает предмет понимания речью, областью произвольных знаков, порождая проблему «другого субъекта» как вопрос о привилегированном доступе субъекта к «фактам» и несообщаемости содержания индивидуального сознания. В конце XX в. ограничение семиотики коммуникативными знаками хорошо видно в подходах аналитической философии, в формулах понимания О. Шольца [4] и В. Кюнне [5].

Вместе с тем в XIX в. в рамках герменевтики возникает механизм проективного семиозиса, подразумевающий в общем смысле, что человек – это не столько воспринимающее существо, сколько действующее, не только распознающее правила, но и применяющее их. В. Дильтей, например, указывает, что задача читателя художественного текста – пережить переживание поэта [6]. Рецептивная эстетика [7], разворачиваясь от Б. Кристиансена до В. Изера, показывает любого рода текст как набор инструкций для построения образа в индивидуальном читательском сознании. Применение правил

¹ Подробный анализ и ссылочный аппарат см. в [3].

коммуникации для построения индивидуального несообщаемого образа – таково проективное назначение понимания даже в рамках сугубо традиционной герменевтики. Переход от рецептивной установки к проективной, очевидно, определяется влиянием кантианского поворота, и подразумевает растворение герменевтической проблематики в эпистемологической.

Ключевая проблема философской герменевтики – определение границ интерпретации, ответ на вопрос, на какого рода объекты распространяется процедура понимания, а на какие – нет, или – в предельной формулировке – что является знаком, а что – нет. Вполне очевидно, что в рамках конкретных техник интерпретации и понимания решения этой проблемы нет. Что является фактом, а что – знаком факта? Это поле онтологии, на котором теория понимания часто растворяется в теории познания, создавая условие для серьёзных ошибок, ведущих к постмодернистскому релятивизму.

Сюжет, в рамках которого в этом вопросе можно попытаться добиться некоторой ясности, связан с философией техники. Техника представляет собой в некотором смысле опосредование природы, с одной стороны, и культуры – с другой. Это та область, которая не исследовалась и не проблематизировалась философами эпохи «всеобщей семиотики» XVII–XVIII вв., которая даже в XX в. сохраняет статус необязательного дополнения к социальной философии или к философии науки. Техника в целом – это среда проективного семиозиса. Для филологических исследований он раскрывается, во-первых, в вопросе об авторе и авторском сознании, во-вторых, в вопросе об объективно существующем строении текста и грамматиках, не зависящих от субъективности восприятия. Очевидно, что материальная данность художественного произведения, законосообразность вещества, в котором выражаются тексты, способы воздействия на языковые субстраты – это темы технического сознания, которые с большей ясностью видны в инженерной деятельности, нежели в литературной рефлексии.

Филологическая концепция сильной интерпретации требует разграничивать факты и знаки фактов, ограничивая область применения правил понимания знаками и полагая понимание успешным тогда, когда от знака удаётся перейти к факту. Принцип контекстуальности требует тщательного анализа референции, прояснения корреляции между знаком как элементом языка и действительностью как элементом неязыкового окружения: на что указывает знак «трава» – например, на наблюдаемый объект, на способ его языковой фиксации, на сам процесс наблюдения или на способ языковой фиксации наблюдения? Это хорошо известные и многократно повторенные вопросы. Однако до тех пор, пока человек сохраняет концептуальный каркас здравого смысла, предмет знания-знакомства достаточно сложно превратить в предмет понимания. Техника же – в отличие от сугубо языковых конструктов – в равной мере является очевидным предметом и для процедур познания, и для процедур понимания.

Философия техники в XX в. постепенно конкретизирует определение «технического»: от техники как «всякого обращения наружу, всякого воздействия на материю» у П. Энгельмейера [8. С. 43] к технике Ф. Дессауэра как «реальному бытию из идей посредством целевой организации и обработки из данных природой запасов» [9. С. 115] к системно-теоретической моде-

ли Г. Рополя, где о техническом речь может идти тогда и только тогда, когда «предметы искусственно изготавливаются человеком и применяются с определёнными целями» [10. С. 30].

Техника соединяет в себе натуралистические, волевые и рациональные основания. «Техника всюду наблюдается как результат встречи человеческого духа с природой» [11. С. 176], так что «техника оказывается чем-то, происходящем «в» человеке, и её можно определить как заключённую в человеке способность изменять природу согласно своим целям» [11. С. 180], техника обнаруживается там, «где приходится целесообразно воздействовать наружу» [8. С. 90]. Инструментом или способом осуществления этой способности является язык. С одной стороны, основатель философии техники П.К. Энгельмейер понимал язык как «техническое изобретение» [8. С. 14], с другой стороны, язык как совокупность правил знаковой деятельности не исчерпывается естественными или искусственными языками коммуникации, но имеет место во всех сферах жизни, где встречаются знаки, т.е. во всех случаях соотношения человека с природой, самим собой или другими людьми, представляя собой набор правил этого соотношения.

Словосочетание «техническое сознание» подразумевает, что спектр связанных с термином «техника» значений, начиная от способности действовать на основании правила и заканчивая трансгуманистическими представлениями о новой среде обитания человечества, созданной аватар-технологиями, возможен только в связи со структурами человеческого сознания и не может быть описан без их учёта. В терминах П.К. Энгельмейера техническое сознание можно было бы определить как носитель «технического мировоззрения», которое «смотрит на человека не как на чуждое природе беспомощное, потерянное существо, а как на одну из сил природы, силу автономную, свободную как в постановке своих задач, так и в их разрешении» [8. С. 51]. В терминах Э. Кассирера техническое сознание представимо как синоним «логоса», теоретического и одновременно инструментального овладения действительностью: «Духовное покорение [Bewältigung] действительности определено двойным актом «постижения»: «пониманием» действительности в теоретико-языковом мышлении и её «схватыванием» посредством действия, мыслительным и техническим формообразованием» [12. С. 52]. Техническое сознание требует учёта не только рецепции, но и проекции, не только восприятия и способов его фиксации, но и деятельности, где, по выражению Марена Мерсенна, понимать – значит изготавливать, а вопрос о том, что я могу знать, «находит свой ответ в том, что я могу делать» [13. С. 191].

В целом под техникой понимается проективный способ работы сознания со знаками, представляющий собой обращение рецепции и приводящий к формированию новых «значений» при реализации семантических, синтаксических и прагматических правил на каждой из ступеней познания, будь то чувственное восприятие, рассудок или разум. Техническое сознание рассматривается на трёх ступенях: как «традиция», где техника определяется в качестве неосознаваемой правилосообразной деятельности, удовлетворяющей требованию выживания человека в естественной природной среде; как «вторая природа», где техника есть процесс создания нового, возможный за счёт контроля над материей и замещающий естественную среду искусст-

венной; как «третья природа», где техника есть способ управления рефлексией. Техническое сознание, описываемое как проективный семиозис, показывает эволюцию индивида от традиции к нечеловечеству. Человек, рождаясь, осваивает транслируемую культурной памятью сумму навыков, обеспечивающих выживание в естественной среде его рождения; фантазия, вымысел, метафизическое представление, порождённые удивлением, эстетическим переживанием или практической проблемой, вызывают процессы самосознания, позволяют косвенным образом увидеть рефлексивный характер практической деятельности; способность воплощать в материальных субстратах фикциональные объекты порождает вторую природу, замещающую естественные объекты восприятия и представления; способность материального изменения правил рефлексии открывает путь к осознанной и контролируемой автоэволюции человека, создавая «третью природу», в которой человек будет способен изменять качество своего человеческого существования как рефлексивного существа.

В рамках рецептивного семиозиса понимание представляет собой одну из операций, осуществляемых сознанием. Схема понимания определяется принимаемой в том или ином исследовании схемой познания. Например, если ограничить спектр употребления термина «понимание» определением места знака в системе в структуралистском ключе, а схему познания – традиционной моделью восприятия, рассудка и разума, то понять некоторый знак – значит найти его в качестве элемента конечного множества предметов восприятия (на уровне чувственного восприятия), в качестве элемента алфавита или иного шаблона объектного языка или метаязыка (на уровне рассудка), в качестве элемента той или иной исторически сложившейся традиции рефлексии (на уровне разума). Такого рода методологию анализа процедуры понимания успешно применяет философская герменевтика XX в.

Проективный семиозис на примере техники показывает, что понимание как способность «делать», как материальное осуществление смысла знака определяется и задаётся не только традиционными для рецептивного семиозиса навыками разграничения коммуникации и познания, но и навыком контроля материи, навыком воплощения. Иерархия процедур понимания определяется здесь, таким образом, способностью к воплощению, восходя от вымысла как наиболее слабой его реализации через поэзию и художественное творчество к инженерной деятельности, подразумевающей навык контроля материи как физического вещества.

Инженерная деятельность как создание «технических объектов» [14] или «действующих технических систем» может быть определена как материально выраженная рефлексия. Через призму традиционной эпистемологии технические объекты очевидным образом подразделяются на объекты, воплощённые человеком в субстрате восприятия (техника в рамках естественной природы), в субстрате рассудка (техника в рамках второй природы) и в субстрате разума (техника как третья природа). В терминах Э. Каппа можно было сказать, что осуществляемая техникой «органопроекция» задействует конкретный слой семиозиса, и это задействование зависит от навыка контроля материи: например, лопата, колесо или собор определены рефлексивным представлением о возможности изменять объективный мир природы как мир

чувственного восприятия; умозрительная вычислительная схема или процессор задаются идеей изменения характера синтаксических операций рассудка; редактирование ДНК или программы расшифровки нейродинамического кода – это идея изменения соотношения природы и рассудка, претендующая на трансформацию прагматических оснований рефлексии.

Для проективного семиозиса понимание определяется в терминах основанной на эпистемологической схеме теории деятельности. Субъект понимает, создавая новое (в виде объектов, правил или условий возможности), восходя от абстрактного к конкретному, воплощая идею нового во всё более сложных субстратах материи: от мимолётной мысли о возможности чего-либо к фантазии, к выражению фантазии в образе, схеме, проекте и, наконец, к вещественному осуществлению нового в объекте восприятия, в рассудочном правиле или в способе осуществления рефлексии.

Традиционная рецептивная установка технической герменевтики получает, таким образом, вполне внятную схему реконструкции знака, основанную на единообразии проективного и собственно рецептивного семиозиса. Вне философии техники подобного рода схема относилась бы к области произвольной метафизики. На примере же инженерной деятельности методология сильной интерпретации обретает внятные границы, предельно ясно конкретизированные на каждом этапе культуры.

Литература

1. Платон. Ион // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 1.
2. Шольц Г. Корни спора о герменевтике // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе. Самара, 2010. С. 18–31.
3. Нестеров А. Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара, 2008.
4. Kuenne W. Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung // Bueler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003. S. 61–78.
5. Scholz O.R. Verstehen und Rationalitaet. Untersuchungen zu den Grundlagen von Hermeneutik und Sprachphilosophie. F.a. M., 2001.
6. Дильтей В. Воображение поэта. Элементы поэтики // В. Дильтей. Собрание сочинений в 6 т. М., 2001. Т. 4: Герменевтика и теория литературы.
7. Bensch G. Vom Kunstwerk zum aesthetischen Objekt. Muenchen, 1994.
8. Энгельмейер П.К. Философия техники. СПб., 2013.
9. Dessauer F. Streit um die Technik. Freiburg im Breslau, 1959.
10. Ropohl G. Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik. Karlsruhe, 2009.
11. Бек Х. Сущность техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 172–190.
12. Cassirer E. Form und Technik // Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1985. S. 39–91.
13. Рополь Г. Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 203–221.
14. Ястреб Н. А. Эпистемология технического объекта // Философия науки. 2013. № 2. С. 123–133.

Nesterov Aleksandr Y. Samara State Aerospace University (Samara, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/32/15

PROJECTIVE SEMIOSIS IN HERMENEUTICS (IN THE CONTEXT OF TECHNICAL CONSCIOUSNESS)

Keywords: understanding, projective semiosis, technical consciousness.

Within the frame of general semiotics, understanding means a process of sign decoding. A sign is an entity of four components, including a material sign, a way of denoting as a place of this sign in the semiotic system or as its sense, an object of denoting as a sign meaning, and the condition of sign

possibility as a subject's skill (interpretant). To understand some sign means to find the defining rule; since semiosis involves three types of rules (semantic, syntactic, and pragmatic), understanding can be defined as fixation of an object, a place in the system or an interpretation skill. Technology is treated as a projective way of consciousness work with signs, which consists in reversion of reception and leads to creation of new "meanings" while realizing semantic, syntactic and pragmatic rules at each level of cognition, whether it is sense perception, understanding (Verstand) or reason (Vernunft). Technical consciousness is considered within three levels. On the first level it is treated as "tradition" and technology is defined as unconscious activity complying with certain rules and providing survival in natural environment. On the second level it is treated as "the second nature" and technology is defined as the process of creation of something new, which is possible in case of matter control. It replaces natural environment with an artificial one. On the third level it is treated as "the third nature" and technology is the means of reflection control. Technical consciousness described as projective semiosis shows evolution of an individual from tradition to neomankind. After the birth, a human being masters the skills transmitted by cultural memory, which provides survival in natural habitat. Fantasy, fiction and metaphysical conception generated by astonishment, aesthetic experience or a practical problem provoke processes of self-comprehension and make it possible (indirectly) to see reflexive character of practical activity. The ability to create fictional objects in material substrates generates the second nature which replaces natural objects of perception and presentation. The ability to modify rules of reflection leads to deliberate and controlled self-evolution of a human being by means of creation of "the third nature", where a human being becomes a neohuman being who is capable of changing the quality of one's existence as a reflexive creature. Projective semiosis in the context of technology shows that the understanding as the ability to "do", as the material realization of the sense of a sign is determined not only by traditional receptive semiosis skills of communication and cognition, but also by matter control skills and embodiment skills.

References

1. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy*: v 4 t. [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 1. Moscow.
2. Scholtz, G. (2010) Kornj spora o germenevtike [The organ of the dispute about hermeneutics]. In: Rymar, N.T. (ed.) *Literaturovedenie i germenevtika. Fenomen granitsy v literature* [Literature and Hermeneutics. The phenomenon of the boundary in the literature]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 18–31.
3. Nesterov, A.Yu. (2008) *Semioticheskaya skhema poznaniya i komunikatsii* [The semiotic scheme of knowledge and communication]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
4. Kuenne, W. (2003) Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung [Understanding and sense. A language-analytical consideration]. In: Bueler, A. (ed.) *Hermeneutik* [Hermeneutics]. Heidelberg. pp. 61–78.
5. Scholz, O.R. (2001) *Verstehen und Rationalitaet. Untersuchungen zu den Grundlagen von Hermeneutik und Sprachphilosophie* [Understanding and rationality. Studies on the basics of hermeneutics and philosophy of language]. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann Verlag.
6. Dilthey, W. (2001) *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected Works. In 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Logos.
7. Bensch, G. (1994) *Vom Kunstwerk zum aesthetischen Objekt* [From artwork to aesthetic object]. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag.
8. Engelmeyer, P.K. (2013) *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of Technology]. St. Petersburg: Gradarika.
9. Dessauer, F. (1959) *Streit um die Technik* [Controversy about the technique]. Freiburg im Breslau: Herder.
10. Ropohl, G. (2009) *Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik* [General technology. A systems theory of technology]. Karlsruhe.
11. Beck, H. (1989) Sushchnost' tekhniki [The essence of technology]. In: Arzakanyan, Ts. G. & Gorokhov, V.G. (eds) *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in Germany]. Moscow: Progress. pp. 172–190.
12. Cassirer, E. (1985) *Symbol, Technik, Sprache* [Symbol, technology, language]. Hamburg: Meiner Felix Verlag. pp. 39–91.
13. Ropohl, G. (1989) Tekhnika kak protivopozhnost' prirody [Technology as opposed to the nature]. In: Arzakanyan, Ts. G. & Gorokhov, V.G. (eds) *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in Germany]. Moscow: Progress. pp. 203–221.
14. Yastreb, N.A. (2013) Epistemologiya tekhnicheskogo ob'ekta [Epistemology of the technical object]. *Filosofiya nauki*. 2. pp. 123–133.